

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Еще не наступило время, когда порядочные люди могут безнаказанно служить родине.

Робеспьер

Мудрец менее всего одинок тогда, когда он находится в одиночестве.

Свифт

Успех следует измерять не положением, которого человек достиг в жизни, а теми препятствиями, какие он преодолел.

Букер Т. Вашингтон

Больным и разбитым покидал Татищев Астрахань. Об отставке он просил сам, и просил многократно, обращаясь то с официальными ходатайствами, то с письмами к Черкасову. А наказанием являлись и отказы в удовлетворении этих прошений, и их удовлетворение: нельзя дорожить тяжелым трудом, не получая за него ни жалованья, ни чести, и еще труднее осознавать, что даже такого труда человека лишают отнюдь не по гуманным соображениям.

В течение нескольких месяцев после освобождения от должности Татищев еще вынужден был оставаться в Астрахани в ожидании своего преемника. Он плохо представлял, что же происходит в Петербурге, в чем его обвиняют, и никак ни от кого не мог добиться разъяснения. В состоянии полного недоумения и прибыл Татищев 22 декабря в принадлежавшую сыну деревню Тетюшинскую Казанской губернии, расположенную под Симбирском. В самом Симбирске у Татищева был дом, построенный еще в годы руководства им Оренбургской экспедицией. Но, «избегая от людей беспокойства», как сообщал он Черкасову, «рассудил жить здесь», то есть в деревне.

Дело заключалось, разумеется, не только в желании [310] избежать «от людей беспокойства». Татищев ждал из Петербурга разъяснения своего нового статуса. Снова им занимается следственная комиссия, и снова невозможно понять, в чем все же его обвиняют, чего от него хотят, что ему позволяют и что запрещают.

Татищев почти искренен, когда в письме к Черкасову делится радостью, что не видит «от дел приказных досад». Однако другие дела «не менее досады наносят». Это и сожаление, что в округе нет ни доктора, ни лекаря, тогда как болезнь его за дорогу обострилась, и сетование по поводу бездеятельности воинских команд, когда вокруг свирепствуют разбои. Разбои еще должны умножиться к весне, поскольку «в житах дороговизна», а «многие крестьяне чем сеять не имеют». Знакомые купцы и кое-кто из шляхты не оставляют Татищева вниманием и здесь. Они «с великою горестию и слезами приносят жалобы на воевод, полицмейстеров». В глазах очень многих честных граждан и чиновников Татищев — воплощение честности и порядка. Теперь он отмалчивается или ограничивается ничем не меняющими объяснениями. Но «по ревности... к пользе отечества» он не может не печалиться, особенно когда видит, что «за отдалением бедные люди скоро справедливости сыскать не могут, доходы же государственные невидимо умаляются».

Люди тем чаще и основательней обращаются к прошлому, чем меньше оказывается у них возможности непосредственно бороться с пороками своего времени. Записки Татищева пугали даже его друзей. И Василий Никитич прибегает к испытанному приему: напоминаниям о планах Петра, как они виделись ему,

Татищеву. Он, в частности, говорит о намерении Петра создать Коллегию государственной экономии, которая должна была «правосудие возставить, немощным обиды и коварные ябеды пресечь». Обычные «дежурные» пожелания, на которые не скупится любое правительство, Татищев возводит в ранг плана, поставленного чуть ли не на практическую почву, причем сам-то он и действительно мог бы предложить развернутый план такой коллегии: достаточно было распространить на всю страну то, что удавалось ему воплотить на короткий срок на сравнительно больших территориях.

«Петровская» коллегия должна была уравновесить доходы и расходы «без отягощения народа». Она должна была снабдить войско жалованьем, «а народ оному [311] разорять способы и случаи пресечь», рассмотреть, «где какие подданным пользы умножить, а вреды отвратить». Эта же коллегия должна была позаботиться об училищах. Чем дальше, тем больше свои идеи Татищев вкладывает в неосуществленные проекты преобразователя. Петр Великий для него — это идеализированный образ правителя, которому лишь время не позволило осуществить то, что, с точки зрения Татищева, надо и можно было воплотить в жизнь. Но даже и в таком виде идеи Татищева были вызовом дочери великого императора и ее наслаждающемуся жизнью двору. Те, кто читал его Записки, боялись их обсуждать даже в узком кругу.

Из письма Черкасова Василий Никитич понял, что возврат его в столицы невозможен. Черкасов посоветовал ему остаться либо в Симбирске, либо в деревне сына. Перезимовать в деревне Татищев был уже готов, тем более что необходимо было укрепить расшатавшееся здоровье. Но остаться здесь до конца жизни он просто не мог. Ему нужны были встречи если не с мыслящими людьми, то хотя бы с умными книгами, которые в его новом положении практически невозможно было и достать. И он просит Черкасова помочь получить разрешение на переезд в деревню Болдино Дмитровского уезда, «которая от Москвы 50 верст». Татищев опасается, «не будет ли то противно». А в подмосковной деревне он смог бы, если «жив будет», заново рассмотреть старые проекты упорядочения дел в стране, чтобы искоренить «горшая коварства и ябеды в судах, а немощным от сильных обиды и разорения».

Разрешение на переезд в подмосковную деревню все-таки было дано. К началу мая 1746 года Татищев прибыл в Болдино, где протекали его последние годы. Большую часть своей библиотеки он оставил в московском доме на Трубниковской, откуда ему обычно доставляли в Болдино лишь то, что нужно было для работы. Татищева очень пугала опасность гибели его рукописных сокровищ. Он неоднократно делится своими опасениями с корреспондентами, в частности с В.К. Тредиаковским, дом которого на Васильевском острове в Петербурге сгорел в ночь на 30 октября 1747 года. И хотя сама Елизавета Петровна изволила выделить две тысячи рублей Тредиаковскому на приобретение нового «багажа», самого дорогого для пишущего человека — своих и чужих рукописей — восстановить он, конечно, не мог. [312]

Хотя решением Сената к Татищеву были приставлены для надзора солдаты, многие его корреспонденты, видимо, не знали, что он находится фактически под домашним арестом и что ему не разрешено выезжать из своей деревни. Секретарь Петербургской Академии наук Шумахер, через которого Татищев поддерживал связь с академией еще с 30-х годов, уже в апреле 1746 года ожидал Татищева в Петербурге, и Василий Никитич разъяснил, что он «весьма болен и к езде дальней возможности» не имеет, «разве особое повеление понудит». Но переписку он продолжает вести активно и с Академией наук, и с частными лицами. В числе его корреспондентов оказываются и старые знакомые — А.К. Нартов и П.И. Рычков, и титулованные особы, к которым он обращается со всевозможными просьбами и предложениями.

Несмотря на заметно ухудшившееся здоровье, именно теперь Татищев получил возможность отдаться целиком научным изысканиям. Он настойчиво

приводит в порядок свой основной труд — «Историю Российскую». Продолжает также работы по завершению географических сочинений. Не оставляет своим вниманием и проблемы социально-экономические и политические.

В 1747 году Татищев написал две записки: «Разсуждение о ревизии поголовной» и «Разсуждение о беглых мущинах и женщинах и о пожилых за побег». Несколько позднее им была подготовлена записка о пользе купечества и ремесел, а накануне смерти он заново продумывает вопрос о политических формах государственного устройства и путях ликвидации крепостного права.

«Разсуждение о ревизии поголовной» появилось в связи с начавшейся в 1743 году очередной ревизией окладов и переписи податных сословий. Татищева беспокоило то, что за два года дело мало продвинулось вперед, и не видно было, чтобы оно скоро пришло к завершению. А убытки оказывались значительными хотя бы потому, что на время переписи запрещалось отпускать крестьян в отход. Так из-за этого запрещения из богатых солью районов — Перми и Астрахани — не поступала соль, «и народ в соли во многих местах претерпел крайний недостаток». Осуждает Татищев и привлечение для проведения переписи воинских подразделений. Содержание войска непомерной тяжестью ложится на население некоторых уездов, где войска ранее не были расквартированы и где, следовательно, не готовились к их приему. Войско [313] отвлекается от своего основного, настоящего дела, а людей, знающих дело, в нем все равно нет.

Как и во всех других записках, Татищев ставит вопрос широко и всеобъемлюще. Он начинает с понятий. «Потребно, — говорит он, — такое речение употреблять, чтоб все было вразумительно не токмо в обществе, но и в малейших того частях... Нужно, чтобы всякое слово слышащий в том разуме понимал, в котором сказыватель полагает...»

Через понятия Татищев в этом случае высказывает некоторые суждения по социально-экономическим вопросам. Это проявляется, в частности, в рассуждении о соотношении значений «дань» и «подать», рассуждений, кстати, весьма любопытном и с точки зрения науки нашего времени, поскольку о сущности «дани» и сейчас ведутся жаркие споры (речь идет в основном о том, является ли дань формой феодальной ренты или же это институт догосударственного периода).

В понимании Татищева «дань» — это основной окладный сбор от подданных в пользу государства (государя). «Подать» же — это то, что собирается сверх дани, «на чрезвычайный расход наложенное». Дань Татищев считает «делом весьма нужным». Важно, чтобы «каждый подданный знал, что он и когда дать должен». Практика первой половины XVIII столетия давала в этой связи лишь отрицательные примеры. Татищев, конечно, ее имеет в виду. Но он пишет тем, кто и создает эту финансово-налоговую вакханалию. Поэтому для доказательства используются более отдаленные исторические примеры и свидетельства. «В расположении дани, — поясняет Татищев, — есть главное разсмотрение, чтоб оно было сносное и всем подданным уравнительное и на потребные расходы достаточно, как о том славный един философ написал: подати в государстве подобны балласту на корабле: великие погружают, а малые от опровержения удержать не могут». Поэтому нужно смотреть по времени и областям, дабы не приводили они ни к «погружению», ни к «опровержению».

К целесообразным поступлениям Татищев относит «пошлины внутренние и внешние доходы от промыслов и рукоделий разного звания». Нужно стремиться к росту этих доходов через развитие промышленности и торговли, и поддерживать расходы на уровне, обеспеченном доходами. Совет, конечно, не слишком хитрый. Но о нем [314] забывали почти все российские правители, современные Татищеву.

Увеличению государственных доходов служит разумная экономическая политика. Правительство должно стремиться «елико возможно, работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить, а плодородие в житах, скотах и прочем

умножить». Речь, следовательно, идет о подъеме заинтересованности и производительности труда крестьян — основной массы производящего населения страны. Как это сделать, Татищев не поясняет. До этого, очевидно, просто дело не доходит: ведь правительство еще и не ставило, да и не собиралось ставить перед собою такую задачу.

«Умножение рукоделий» и в этой записке занимает почетное место. Татищев особенно настаивает на необходимости переработки на месте любого сырья, дабы вывоз состоял только из готовой продукции, и «за работы оных свои подданные, а не чужие получали». В «рукоделиях» же предпочтение должно оказываться минеральным и металлообрабатывающим промыслам, то есть тому, кто составляет основу промышленного развития любой страны.

Записка позволяет проследить, как у Татищева нарастает убеждение в необходимости специальных мер по ограждению купечества от притеснений со стороны феодального государства. В развитии торгов, полагал Татищев, могут оказать содействие «доброе учреждение» и «искусные» администраторы. Он вполне мог бы сослаться в этой связи на свой значительный опыт и пример. Но он понимает и то, что без целенаправленной и целесообразной политики правительства в этом вопросе трудно рассчитывать на заметные успехи. Поэтому он подчеркивает, что торг умножается «наипаче чрез вольность купечества и охранение их от отягощений». Купечество должно быть поставлено в государстве на возможно более почетное место. «Сие есть корень и основание всех богатств и доходов государственных, и суще как сердце в человеке всю кровь или тук от всего тела в себя приняв, паки во все тело разделяет и окружение оного продолжает, тако купечество, где оное свободно торгует, тамо и богато, а когда купечество богато, то все государство богато, сильно и почтенно», — уверенно заключает Татищев.

Усиление крепостнического пресса приводило к массовым побегам крестьян на окраины страны и за ее рубежи. Это вызывало беспокойство Татищева, и он советует [315] следить за тем, чтобы «подданные из государства не имели причины за границы уходить и места нужные опустошать». Наоборот, нужно стремиться к тому, чтобы заселить «великие пустыни» народом, в том числе «приходящими из-за границ».

Впервые в истории русской общественно-экономической мысли Татищев предлагает создать «банк долговой», «с умеренным ростом» (то есть с невысоким процентом). Банк будет способствовать развитию фабрик и заводов, а также торговле, государство же будет получать прибыль как от процентов, так и главным образом через «умножение сбора пошлин».

Таким образом, в связи с частным вопросом Татищев излагает целую программу преобразований, которые могли бы поднять благосостояние страны. Формальная связь заключалась в том, что перепись была нужна для упорядочения основного обложения.

Татищев предлагает позаимствовать опыт Швеции, где «свидетельствуют оклады чрез семь лет без всякой трудности и отягощения народа». Это достигается за счет того, что переписи возлагаются на выборных «от шляхетства, духовенства и граждан, под правлением губернаторов».

В 40-е годы XVIII столетия власть помещиков над крестьянами возросла как никогда ранее. Продолжался и процесс расширения сферы применения крепостного труда. В конечном счете именно крепостное право являлось источником всевозможных злоупотреблений. Татищев это осознавал. Но он осознавал и то, что ни правительство, ни помещики не допустят сколько-нибудь существенного изменения сложившегося положения. Поэтому он подходит к вопросу издали. Он обращается к истории и устанавливает, что «до царя Федора крестьяне были вольны и жили за кем хотели». Он пытался убедить правительство и помещиков в том, что такой порядок был выгоден им самим, поскольку закрепощение создало трудную проблему беглых, подтолкнуло помещиков на разные ухищрения и в отношении друг друга, и в

отношении казны. И совершенно недопустимым считает Татищев превращение в крепостных тех крестьян, которые оставались к этому времени свободными. Он возмущается, что офицеры, «определенные к переписи», принуждают записываться «к своим или приятелей своих деревням» «вольных людей» «противо их воли». [316]

Инструкция о проведении ревизии предусматривала излишнее духовенство определить на службу или раздать «в оклад». Татищев предлагает найти более целесообразное применение этой части населения, учитывая, что оно владеет грамотой. Особенно его беспокоит судьба учащихся епархиальных и других училищ. Он советует «при церквях приходских для обучения в городах гражданских, а в селах дворцовых людей и крестьянских детей хотя писать и читать училища учредить, и учителей иметь, дабы чрез то как в домоправлении, — так и в войске грамотных не оскудевало, о чем во всех христианских государствах прилежно стараются». В порядке поощрения Татищев предлагает «детей крестьянских, которые обучатся, в рекруты не отдавать, разве которой сам себя кражею, пьянством и другим злодейством тоя милости лишит».

Не покушаясь на крепостной порядок в целом, Татищев ищет способы ограничения его действия. Он предлагает ограничить пятнадцатую годами срок солдатской службы, после чего отслуживших следовало «отпускать на волю с их детьми, к кому кто похочет и у тех их писать самих не в оклад, а детей в оклад». Исключение делалось лишь для тех, кто сам себя изувечит или выйдет из строя «от французской и тому подобной самохотной болезни».

Хотя «сдача в рекруты» в 40-е годы оставалась самой грозной мерой наказания, многие крестьяне готовы были идти в тяжелую армейскую службу, лишь бы избавиться от невыносимого крепостнического гнета. Ограничение срока службы, безусловно, сделало бы армию еще более притягательной для помещичьих крестьян. Для государства в целом такая мера сулила большие выгоды, поскольку позволяла иметь обученный резерв и значительно сократить численность войск, непосредственно находящихся под ружьем. Принятие плана Татищева могло создать также очень действенный канал постепенного «раскрепощения» крестьянства. Но план этот был нереален именно потому, что дворянство давно уже ставило свои корыстные интересы выше государственных, а государственная машина все менее была способна представлять государственные интересы.

В предложениях Татищева не было почти ничего не исполнимого. И кое-что из его программы преобразований и усовершенствований было реализовано во второй половине XVIII столетия. Однако большинство его [317] предложений осталось лежать втуне. Правительство все более руководствовалось не соображениями государственной пользы, а стремлением удовлетворить корыстные интересы класса феодалов, потребности которого все далее расходились с объективными требованиями государственного организма.

К рассмотренному «Рассуждению» примыкает и «Разсуждение о беглых муштинах и женщинах и о пожилых за побег». Кое-что здесь и прямо повторяется. Однако во втором «Рассуждении» имеются и новые темы. Особенно интересны следы глубоких раздумий Татищева о социальной сущности явлений, раздумий, поведших его к некоторым далеко идущим выводам. Татищев зачеркнул в своей рукописи две фразы, как будто исходные для всего рассуждения: «Побег людей от их господ — тяжкое преступление закона», и «Закон наш гражданский определил всем быть непременно и наследственно рабами». Именно из этих положений исходила социально-юридическая практика XVIII века. Татищев же усомнился в их правильности и целесообразности.

Сомнение по поводу разумности существующего положения теоретически было обозначено еще в «Разговоре». Но там вопрос ставился именно теоретически, без выхода на практику. Теперь, напротив, Татищев пытается оценить с точки зрения

теории реальную повседневную практику. Как и в «Разговоре», Татищев обращается к закону естественному и гражданскому. Он рассматривает две категории зависимого населения холопов и рабов. Холопство основано на договоре и не может распространяться на детей договаривающихся. Следовательно, незаконной признается полуторавековая практика, поскольку именно таким путем крепостное право охватило значительную часть крестьян. Другой путь — порабощение. Рабство устанавливается прямым насилием. А это делает его и вовсе незаконным. «Раб самим ли его господином покоренной или от покорившего наследством и куплею полученной, имеет право от онаго насилия или покорения искать свободы, как токмо может способ тому улучшить». Не имеет, следовательно, значения, сам ли господин поработил данного несвободного, или купил его — раб имеет право «искать свободы».

Закон естественный, разъясняет Татищев, предписывает человеку «другому всякого добра желать и благодеяние показывать, как себе самому, а не делать того, чего [318] себе не желает». Это требование распространяется и на отношения господина и раба. Отсюда следует весьма смелый вывод, что «рабство и неволя против закона христианского». Татищев вновь напоминает, что до Федора Ивановича у нас «были все крестьяне вольные и жили кто за кем хотел, пленники токмо были невольные, но их дети неволи свободны». По логике Татищева это означало, что все формы крепостной зависимости, все виды неволи в XVIII веке были незаконны.

Можно отметить, что Татищев несколько идеализирует положение, существовавшее до известных законов 90-х годов XVI столетия, утвердивших крепостное право. Холопство было и в XV веке. В XVI веке оно интенсивно росло. Татищев дает картину не того, что было, а того, что должно быть согласно естественному закону. Эта подкрашенная картина и отражает идеал самого Татищева»

Дальнейший ход закрепощения излагается вполне достоверно, причем Татищев располагал об этом периоде некоторыми источниками, утерянными теперь. Он сообщает, что Борис Годунов отнял у крестьян волю, что вызвало «великое беспокойство», и Борис вынужден был снова дать волю. Но теперь «забеспокоились» дворяне. Шуйский вновь «вольность крестьянам отнял». И это вызвало осложнение. Что делать теперь, Татищев пока решать отказывается: «Ныне же можно ли ту вольность без смятения возобновить и все те распри, коварства и обиды пресечь, требует пространного разсуждения и достаточно мудрого учреждения, дабы исча в том пользы большего вреда не нанести». Но ясно, куда он клонит и какую задачу ставит перед «достаточно мудрым учреждением». Пройдет свыше ста лет, прежде чем правители России вынуждены будут пойти на создание таких «мудрых учреждений».

Для Татищева преимущества вольности бесспорны. Другое дело, что весьма труден был вопрос о путях ее восстановления. Осторожность Татищева в данном случае питалась двоякими причинами. Как серьезный государственный деятель, он не мог предложить мер, не продуманных до мелочей и не учитывающих возможных отрицательных последствий. Еще важнее было то, что малейшее выступление в пользу крестьянской свободы встречало яростное противодействие со стороны помещиков. «Мудрому учреждению» надо было искать возможности преодоления этого противодействия. А лишь из [319] крепостников-помещиков и могло быть составиться в середине XVIII века «мудрое учреждение».

Побеги приняли тогда массовый характер, и разбор тяжб землевладельцев на этой почве составлял едва ли не самую значительную часть судебных разбирательств. Татищев предлагает некоторые меры для упорядочения существующей практики, исходя из закона гражданского, а не естественного, то есть исходя из реально действующего законодательства.

Несоответствие реального законодательства естественному закону для Татищева очевидно, и он делает соответствующие оговорки. «В приеме беглых, — говорит он, —

если я по закону божью и естественному ходу разсуждать, то ни малейшей противности оным не найду, но паче неволю оному противною почитать можно; взирая же на закон гражданский, нахожу в нем... три... обстоятельства: обида ближнему, что отчич лишится своего дохода и сверх того принужден за него многие годы государственную дань платить; обида и сбежавшему, что он принужден два раза дом и пашню оставляя вновь заводить... обида обществу или государству в недоплате с пустоты податей... обида высочайшей власти презиранием закона».

Наказание вообще Татищев сводит к двум разным формам. За причиненный убыток положено дать соответствующее возмещение. В данном случае это предполагало значительное снижение вознаграждения по сравнению с предусмотренным в законодательстве.

Другая форма наказания означает штраф за нарушение закона. Татищев напоминает, что наказание не должно быть слишком мягким, дабы не ронять авторитета закона, но оно не должно быть и непомерно жестким. В итоге за прием беглых Татищев предусматривает штраф гораздо меньший, чем назначавшийся текущим законодательством. По Татищеву, требовалось также тщательное исследование: можно ли то или иное лицо признавать за беглого? Оказывается, что он не каждого беглого рассматривал в таком качестве. Так, по его мнению, из этого разряда следовало исключать беглых девиц, достигших 18 лет, если их владелец или родители не выдают замуж или, наоборот, отдают, но против их воли. Это была как раз одна из наиболее многочисленных категорий беглых. Татищев же предлагал давать таким беглым волю. Тот же порядок он распространял и на [320] молодых вдов, если их в течение двух лет не выдавали снова замуж.

Записку о ревизии и побегах Татищев передал петербургскому начальству. Как он писал некоторое время спустя Михаилу Илларионовичу Воронцову, занимавшему с 1744 года пост вице-канцлера, кое-что из его рекомендаций при завершении переписи учли. Но «большее и нужнейшее осталось без рассмотрения». Последнее неудивительно. Удивительно то, что все-таки кое-что было использовано, хотя и анонимно.

Непосредственно М.И. Воронцову Татищев направляет «Представление о купечестве и ремеслах». Он не возражает против того, чтобы Воронцов, не упоминая имени Татищева, взял содержащиеся в записке мысли «к своей чести». Ему, конечно, хотелось бы, чтобы была создана специальная комиссия для рассмотрения этого вопроса, и он тогда, несмотря на недомогание, развернул бы свои предложения подробнее. Но особых надежд на это он, конечно, не питал.

В представлении снова подчеркивается мысль о необходимости «вольности» купечества и ограждения его от административного вмешательства. Татищев все более осознает, что интересы казны и государства не совпадают, и всюду, где это различие для него выясняется, он интересы казны готов принести в жертву более высоким интересам государства.

Интересен исторический экскурс Татищева как в русскую, так и в зарубежную историю. Он сопоставляет недавние столкновения Англии, Голландии, Испании и Франции и объясняет успехи первых именно развитием торговли. Испания за счет своих колоний накопила немало ценностей. Но ценности сами по себе ничего не стоят, если они не участвуют в обороте. Они не в состоянии двигать даже «рукоделия», поскольку последние также развиваются под воздействием рынка. «Пресильная монархия» Франция потерпела поражение в борьбе с Англией и Голландией именно потому, что торговля в ней была слабо развита. В этом рассуждении Татищев, в сущности, показывает историческую обреченность феодализма в споре с капитализмом, причем становится он безоговорочно на сторону последнего.

Примечательны и некоторые факты, несколько выпадающие из ранее сложившейся оценки хода русской истории. Так, проникнутый сепаратизмом

Новгород вел [321] широкую ганзейскую торговлю, тогда как в остальной Руси, задавленной татаро-монгольским гнетом, торговля практически совершенно замерла. Взглянув на историю через призму развития торговли, он пересматривает и свое отношение к Борису Годунову, которого всегда осуждал за введение крепостного права.

Время Алексея Михайловича, как отмечалось, Татищев оценивал в целом положительно, усматривая именно в этом периоде зарождение всех положительных тенденций в развитии русской экономики и культуры. Петровская эпоха была лишь преемником этого исторического движения, причем дело до конца не было доведено и кое в чем остановилось. «Алексей Михайлович, — по мнению Татищева, — как его храбростию в делах военных, так преострым умом и охотою ко экономии вечную по себе память оставил, между многими его знатными и вечной славы достойными делами не меньше он о рукоделиях, ремеслах и купечестве его труда показал. В его время медные и железные заводы, якоже и оружейные устроены, холщевые и шелковые фабрики заведены, неколико и о кораблеплавании в пользу купечества выписанными разными ремесленниками прилежность и пользу показал, договоры с Англией и Голландиею в полезнейшее состояние русским купцам учинил».

Особенно выделяет он Торговый устав 1667 года, а также создание «особливых правительств» для купечества по городам, дабы оградить купечество от «утеснений» со стороны «неразсудных правителей». В данном случае речь идет о тех мероприятиях, которые в свое время пытался провести, но не сумел до конца утвердить Ордин-Нащокин. Хвалит Алексея Михайловича Татищев также за приглашение иностранных специалистов и за попытки организации школ, в частности, за то, что своих детей царь учил латинскому языку.

Деятельность Петра являлась новым шагом на этом пути. Однако установлениями о купечестве Татищев все-таки не удовлетворен: «Понеже по естеству все дела человеческие с начала ни от кого в совершенство приведены быть не могут, но требуют от времени до времени исправления, дополнки и применения... так и в сем, что до купечества и рукоделия принадлежит, мною нечто исправить, дополнить или переменить... потребно».

«Исправление» купечества Татищев мыслит по трем линиям. Во-первых, администрация не должна [322] вмешиваться в дела ярмарок и вообще в самый процесс торговли: торговля лучше всего развивается, когда ей не мешают. Во-вторых, необходимо улучшение путей сообщения и установление постоянной почтовой связи. И наконец, необходим организованный кредит. «Для исправного и порядочного торгу, — разъясняет это положение Татищев, — нужно иметь кредит или поверенность. Но оной происходит от довольства у купцов денег. Токмо собственных своих денег никаков купец всегда довольства иметь не может для того, что ему деньги туне держать есть бесполезно, и для того купят всегда товары. Но как товара скоро продать не может, а между тем увидит товар, потребный ему и не весьма дорог, то принужден оной или деньги у другого в долг взять. А понеже у партикулярных деньги скоро достать не может, а иногда в том государственная или придворная нужда, чтоб оного не пропустить. Но и паче для ремесленников или мануфактур великая в том нужда случается, что сделанные товары продать ему, а работы без припасов остановить и работающих без всякого убытка распустить невозможно». В то же время «военные, гражданские, придворные служители, шляхетство и духовные часто... немалые во избытке деньги» имеют, которым они не могут найти дельного применения. Создание банка устроило бы и тех и других. Одни получали бы от своих денег проценты, другие могли бы пускать их в оборот.

Таким образом, Татищев предусматривает организацию не просто государственного кредита купечеству (что, кстати, также было бы выгодно для самой казны), а коммерческого банка — учреждения чисто капиталистического. Мечтой Татищева было приведение в движение всех имеющихся в государстве средств, втягивание в

товарно-денежные отношения всех слоев русского общества. Программа эта, очевидно, чисто буржуазная, и буржуазия в России XVIII века не имела более настойчивого разностороннего выразителя своих интересов, нежели Татищев.

Ратуя за «вольность» купечества, Татищев и в то же время решительно возражает против покупки купечеством деревень, «которыми нимало управлять не разумеют, и тем сами разорились и деревни разоряют». Он отсылает к опыту Англии, Голландии и Франции, где имеются «великие фабрики, но деревень купцам купить нигде не позволено». Следовало бы, однако, пояснить, что в названных странах вообще промышленность [323] содержалась на вольнонаемном труде. В России же резервы такого труда были весьма ограничены, о чем и сам Татищев неоднократно говорил с сожалением. «Вольность» купечества наталкивалась на невольность крестьянства, и это-то противоречие и являлось главной причиной медленного развития торговли и ремесел, а также стремления предпринимателей присоединиться к классу, уже ненужному производству, но пользующемуся плодами трудов других.

К записке о купечестве и ремеслах примыкает «Предложение о размножении фабрик». В ней, в частности, ставится вопрос об улучшении положения ремесленников и повышении качества ремесленной продукции. Татищев проводит различие между мануфактурой и ремесленным производством, как правило, обходящимся без применения наемного труда. В условиях крепостного строя это могло иметь немалое значение. Поэтому Татищев стоит неизменно за помощь и содействие ремесленникам.

Представление о купечестве и ремеслах, по-видимому, заинтересовало М. И. Воронцова. Во всяком случае, в его архиве сохранились две беловые копии записки. Идеи Татищева, возможно, сказались в некоторых экономических мероприятиях 50-х годов, в частности, в создании в 1754 году Государственного заемного банка, имевшего в качестве отделения Купеческий банк. Правда, во всех этих учреждениях предусматривался прежде всего дворянский интерес, а потому должного эффекта они дать не могли. Но это и не удивительно, если учесть, что «заботу» о купечестве осуществляло дворянское правительство.

Во всех социально-политических рассуждениях Татищева неизменно вставал вопрос о целесообразности монархии и возможности восстановления крестьянской «вольности». Но эти вопросы обычно стояли как бы независимо один от другого. Утверждение крепостного права, оказавшего отрицательные последствия на развитие страны, казалось Татищеву случайным решением неразумного правителя. Но эти два сюжета в его сознании все более переплетались.

Новые соображения побудили Татищева вернуться к работе, начатой еще в конце 30-х годов: подготовке свода древнерусских законов. Таким изданием решалось сразу несколько вопросов: выяснились многие важные факты русской истории, привлекалось внимание к [324] развитию современного Татищеву права, подготавливалась почва для созыва комиссии по составлению нового Уложения. Примечания Татищева к разным статьям древнерусских юридических памятников отражают этот интерес. И особое внимание уделяется крестьянской теме.

В 1740 году, комментируя закрепостительные установления конца XVI — начала XVII века, Татищев примерно так же, как и в «Разговоре», акцентировал внимание на то, что из-за этого разразилась смута. Теперь он этим не удовлетворяется. Это проявляется, в частности, и в том, что при каждом удобном случае он напоминает о прежней вольности крестьян. Так, поясняя понятие «недвижимые имения», Татищев напоминает, что в него ранее не включались крестьяне, «которые тогда вольны были». Говоря об ограничении размеров кабал пятнадцатью рублями по Судебнику 1550 года, Татищев делает (правильный в общем-то) вывод, что статья включалась «мню, для того, чтоб вечно не крепили». Татищев, как говорилось, наследственное холопство считал вообще незаконным. Воспроизводя

статью о праве родичей на выкуп отчин, Татищев снова напоминает, что о крестьянах в этих случаях речи нет, «понеже были вольные». Он сожалеет, что указ о закреплении «утратился и причины, для чего крестьяне невольными учинены, неизвестны». В действительности конца XVI века он не видит ничего такого, что могло бы оправдать введение крепостного права, в современной же ему действительности оно лишь унаследованное от прошлого зло.

88-я статья Судебника 1550 года посвящена порядку крестьянских переходов. Комментируя ее, Татищев приводит ряд аргументов в пользу «вольности». «Вольность крестьян и холопей, - отмечает он, — ...во всех европейских государствах узаконенное и многую в себе государствам пользу заключает». Полезно это было и для Русского государства. «1) Крестьяне так безпутными отчинники утесняемы и к побегам с их разорением понуждаемы не были, как я о суде беглых обстоятельно показал; 2) таких тяжб, судов, ябед, коварств и немощным от сильных разорений в беглых не было; 3) в добрых верных и способных служителей мы такого недостатка не терпели».

Татищев отсылает, видимо, к несохранившейся части рассуждения о беглых, и из этой отсылки видно, что вину за побеги он целиком возлагал на «безпутных [325] отчинников». Вольность крестьян обеспечивала и важнейший с точки зрения государственной пользы аспект правительственной деятельности подбор «добрых, верных и способных служителей». Татищев имеет в виду, очевидно, прежде всего военную службу, о чем он говорил и ранее. Но и при таком ограничении ход его мыслей примерно тот же, что и позднее у Радищева: настоящим сыном отечества может быть только свободный человек.

Приведя все эти соображения о преимуществах вольности перед неволей, Татищев как будто не вполне логично «отступает»: «Оное (то есть вольность) с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно, как то при царе Борисе и Василии от учинения холопей вольными приключилось».

Итак, вольность всем хороша, но она несовместима с монархией. Вывод сам по себе глубоко обоснованный: «Переменить небезопасно». Это тоже верно. Всякие крутые ломки чреваты непредвиденными последствиями. А что же делать? Еще ранее Татищев советовал обдумать этот вопрос всесторонне. Конечно, он и сам продолжает думать над этим. И вот один из результатов его раздумий: на пути к достижению вольности стоит монархия.

Монархизм Татищева, как можно было видеть, всегда был относительным. Он принимал монархию как относительно меньшее из зол и для таких стран, как Россия. Но даже и в его обязанности для России полной уверенности у него никогда не было. Теперь же и вообще остается мало аргументов, оправдывающих целесообразность монархии: она оказывается на пути главного, что могло бы обеспечить процветание государства, — вольности.

Обязывающих выводов Татищев не делает. Но все его предложения об «улучшении» в конечном счете сводятся к ограничению монархии. Одной из главных prerogatives монарха всегда было законодательство. И именно этот вопрос Татищев рассматривает как бы не зависящим от монарха. Подготовить «добрый» закон одному человеку не под силу, даже если это Петр Великий. «В сочинении нового закона, — развивает Татищев ранее высказанные мысли, — для чести законодавца и для твердости закона нужно прилежно рассматривать и остерегаться, чтобы не дать страсти своей сочинителю власти». Таких «пристрастных законов» оказывается немало уже после [326] Уложения 1649 года. Петр Великий для объективности и продуманности установлений обязывал приглашать в Сенат и членов всех коллегий. Однако и этого, по мнению Татищева, недостаточно. «Сие безопаснее и справедливее могло быть, если бы такие обстоятельства прежде ученым в юриспруденции для рассмотрения сообщались и рассуждения их требовать».

А законов, нуждающихся, с точки зрения Татищева, в изменении, оставалось много, и число их со временем не уменьшалось. Он с сожалением говорит, например, что «у нас... о найме и разплате достаточного закона нет. По искусству же видимо, что с обе стороны беспорядки и обиды происходят, которое наиболее посадских и крестьян касается». Татищев добавляет, что все это он мог бы «пространно показать, если б здесь (то есть в комментарии к статье) то нужно было». Действительно, в комментарии к статье Судебника об этом говорить было не вполне уместно. Но Татищева этот вопрос беспокоил. Он тревожился, что в России вообще отсутствовало законодательство, регулировавшее взаимоотношения предпринимателей и наемных работников — взаимоотношения, которые уже были важными в его время и должны были стать самыми важными в той системе, которая мыслилась Татищевым как самая целесообразная.

Татищев в данном случае вступает именно за эксплуатируемых, которым практически нигде было искать правды. Ивану Грозному он готов был многое простить за то, что, по мнению Татищева, царь «о правосудии и о хранении посадских и волостных крестьян от неправых судов и грабления прилежал». Справедливым он находит и такой порядок, когда «старосты и выборные» от земли «с судиями заседают». Такой порядок он находит в России XVI века, а «по днесь» он сохраняется в Швеции, где «многие мужики достаточно философии учатся». К сожалению, у нас это было кем-то «отставлено» после царя Бориса.

Комментирование статей Судебника и последующих указов было для Татищева и своеобразным исследованием социальных отношений в XVI веке, и поиском положительного материала для «исправления» современных ему законов. Поэтому он и подчеркивает в прошлом то, что, с его точки зрения, могло пригодиться современникам. Татищев не находил в современном ему законодательстве законов, вполне согласующихся с естественным [327] божественным правом. Но, как правило, он не предлагал совершенно нереальных с точки зрения феодального государства изменений. Он пытается убедить своих высокопоставленных читателей в том, что все предлагаемое им уже было и зарекомендовало себя наилучшим образом.

С последним обстоятельством необходимо считаться, оценивая любые записки Татищева. У него имеются, так сказать, программы «максимум» и «минимум». Его рассуждения о естественном и божественном праве — это программа-максимум, предусматривающая практически коренную перестройку всей социально-политической системы. Программа-минимум же предусматривала «улучшение» действующего законодательства и экономической политики в рамках существующего строя.

Идеалом Татищева было примерно то устройство, которое существовало в Англии и Голландии, отчасти в Швеции. Примечательно, что, сопоставляя, скажем, Францию с Англией, он отдает предпочтение второй. В Англии Татищеву нравится все. Ему нравятся и ее гражданские «вольности», и процветание купечества, и разработанное законодательство, и номинальный почет, оказываемый древним фамилиям, ничуть не мешающий этим положительным качествам. Он верит и в «просвещенность» Англии. Поэтому он дарит Английскому королевскому собранию ценнейшую рукопись Ростовской летописи и надеется с помощью Английской академии наук опубликовать свою «Историю».

Как и все работы Татищева, его размышления о наиболее целесообразной форме государственного и общественного устройства не были завершены. Татищев постоянно опасался, «чтобы кто по ненависти доброе намерение его во зло или продерзость истолковать не имел причины». Ему постоянно приходилось отступать от своих идеалов в пользу тех, к кому он обращался с предложениями. Как раз в связи с комментированием Судебника зимой 1750 года он «вознамерился печатное Уложение с последовавшими указы свести, оные иным порядком сочинить, каждое доводя из правил морали и политики, согласуя все разных обстоятельств единому основанию». И «немало было сочинил, но возражен советом: «зладеи сочтут за предерзкое, что без позволения законы сочинять».

И Татищев, следуя совету, написанное «не токмо оставил, но и истребил». Вполне логичный итог столкновения «вольности» с монархией.